

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стр.</i>
К истории французской интервенции на юге России. С предисловием <i>Д. Кина</i>	3—38
Англичане на севере. С предисловием <i>И. Минца</i>	39—52
Английская политика в Индии и русско-индийские отношения в 1897—1905 гг.	
Статья <i>А. Л. Попова</i>	53—63
Переписка С. Ю. Витте и А. Н. Куропаткина в 1904—1905 гг. С предисловием	
<i>Г. Стоялова</i>	64—82
Дневник ген. Г. О. Рауха	83—109
Записки Ф. А. Головина. С предисловием <i>М. Н. Покровского</i>	110—149
Письмо А. П. Шапова Александру II в 1861 г. С предисловием <i>А. Оидорова</i>	150—165
К истории «Земли и Воли» 70-х гг. Статьи <i>В. П. Козмина</i>	166—177
Из показаний Н. И. Рысакова. С предисловием <i>С. Н. Валка</i>	178—194

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ АРХИВИСТА

Из переписки С. М. Кравчинского. Сообщила <i>Э. Корольчук</i>	195—202
Извещение о разгроме типографии в Саперном переулке. Сообщил <i>Н. Л. Сер-</i>	
<i>гивский</i>	202—208
Первомайские речи в Одессе в 1895 г. Сообщил <i>С. Н. Валк</i>	203—207
Ответ «Рабочей Газеты» (1898 г.) Г. В. Плеханову. Сообщил <i>М. Б-ов</i>	207—209
Два документа из истории Зубатовщины.	210—211
20 лет назад.	212—215
П. А. Столыпин и смертная казнь в 1908 г. Сообщил <i>И. Садиков</i>	215—221

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

В. В. Адоратского, В. В. Максакова, М. Н. Покровского,
В. П. Полонского, В. М. Фриче

20

ТОМ ПЕРВЫЙ (ДВАДЦАТЫЙ)

1927

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1927 ЛЕНИНГРАД

KRAUS REPRINT LTD.
Nendeln, Liechtenstein
1966

Из дневника А. Н. Куропаткина.

Дневник Куропаткина уже давно известен читателям «Красного Архива» (см. тт. II и VIII). Печатаемые теперь отрывки не являются, конечно, тем первоклассным историческим источником, каким были записи дневника начала 900-х годов, перед японской войной. К 1917 году Куропаткин давно уже сошел с «ответственнейших» постов царской России. Политики он более не вершил, как о стратеге о нем больше никто не говорил — и даже назначение его, в империалистскую войну, скромным корпусным командиром вызвало опасения Александры Федоровны; Николаю пришлось почти оправдываться. Попытка командовать одним из фронтов прошла совсем бесцветно — и под конец войны — и империи — Куропаткин должен был удовольствоваться совсем скромным — для старого боевого генерала — положением «туркестанского» генерал-губернатора, за тысячи верст от фронта. Здесь его задания были больше полицейские, чем военные, с «сартами» (как называли русские чиновники узбеков) и киргизами воевать было куда легче, нежели с немцами, и, повесив несколько десятков человек, неудавшийся победитель микадо блестяще разгромил среднеазиатскую революцию 1916 года. Он был уже совсем спокоен, — когда революция вдруг явилась в Среднюю Азию из Петербурга.

Первое, о чем захлопотал старый служака (Куропаткину было уже под семьдесят), это, чтобы революция прошла, по крайней мере, без нарушения внешних форм и чиновничества. И если не самими петербургскими событиями — они перед Куропаткиным открылись лишь постепенно — то официальными петербургскими телеграммами о событиях он был вполне удовлетворен. «Государь одновременно с отречением утвердил князя Львова в должности председателя Совета Министров», с удовольствием заносит в дневник туркестанский генерал-губернатор: что отрекшийся император так же мало мог назначать министров, как отставленный министр назначать чиновников, это хранителям легальности — не одному Куропаткину, а и Родзянке и даже Гучкову — как-то не пришло в голову. «Войска перешли к новому порядку управления Россией без нарушения присяги». Войска скоро показали Куропаткину, что они этой стороной дела весьма мало интересуются. Но пока все шло почти гладко — и 8 марта (ст. ст.) старый генерал даже поймал себя «на радостном настроении: точно и неприлично генерал-адъютанту так радоваться революционному движению и перевороту».

Тучки на горизонте уже показывались. «И в Ташкенте уже организовался Совет Рабочих, выделивший из себя Исполнительный Комитет. Образовался и Совет представителей от войск (по 1 со ста человек; от иных частей и больше). Пока еще никаких особых выступлений не делается, но ожидать можно всего, до террористических актов...» (!). Старому царскому слуге революция все еще мерещилась в образе бомб и вся-

кого рода «покушений» — красный террор он наверное не имел в виду в мартовские дни 1917 года — и он никак не мог еще освоиться с мыслью, что «покушаться» пришла очередь не революции, а ее противникам.

Но революция шла своими, не предусматривавшимися военным уставом, путями. Уже в той записи, где констатируется неприличная генерал-адъютантская радость по случаю падения Николая, говорится о «восстановлении» дисциплины в войсках. Того, что разумеется само собой, не восстанавливают. И тем труднее было «восстанавливать», что на место старого уже рождалось новое. На параде, которым ознаменовалась присяга Временному Правительству, «порядок поддерживался учениками, рабочими и одиночными нижними чинами образцово».

Революция, которой ждали в виде «анархии» и «террористических актов», шла регулярным строем. И 31 марта перед Куропаткиным взорвалась совершенно неожиданная бомба: ему было объявлено, что он арестован. Поводом было распределение генерал-губернатором оружия среди русского населения области «для защиты» от узбеков и киргизов. Оснований «защищаться» с царско-полицейской точки зрения было более, чем достаточно: «Каракиргизы Ошского уезда совершенно не понимали совершившейся перемены, считали, что наступило безначалие и собирались выбрать своего хана» (!). А в Фергане дело пошло чуть ли не еще дальше: «сарты Ферганы стойко хотят добиваться равных с русскими прав (четырёххвостки) и хотят все городское хозяйство забрать в свои руки». Как же тут было не запастись винтовками? Нет оснований думать, что Куропаткин, за пять месяцев до Корнилова, замыслил контр-революционное восстание. Но он до такой степени явно не понимал происходящего, что уже одно это, при наличии его во главе власти края, грозило неисчислимыми бедами. Ташкентский Совет Солдатских Депутатов был тысячу раз прав, независимо от формальной правильности или неправильности выдвинутого против Куропаткина обвинения, когда он решил изолировать умиротворителя революции 1916 года вместе со всеми его приспешниками.

Доказывая опасность равноправия «туземцев» с русскими — т.-е. подавляющего большинства с ничтожным меньшинством — Куропаткин обмолвливается несколькими, чрезвычайно ценными, для туркестанского генерал-губернатора и одного из завоевателей Средней Азии, признаниями: «Большинство голосов будет у туземцев», пишет он, «и они захватят все в свои руки, а руки-то ненадежные по нашей вине: 50 лет мы держали туземцев в стороне от развития, в стороне от школы и русской жизни». А прочитав у Спиридовича программу социал-демократической партии, произведшую на старого генерала до комизма сильное впечатление, особенно, если вспомнить, что это было не в 1905, а в 1917 году, — он вздохнул: «мы счастливых мелких собственников в Фергане обратили в батраков».

Впрочем, если Куропаткин не был контр-революционным заговорщиком, то контр-революционером в своей политике он был несомненно, и у его ареста были не только идеологические, а и прямо деловые основания. Неприличная генерал-адъютанту радость по поводу революции несколько не мешала ему водить дружбу в Средней Азии с ярыми реакционерами. Относительно Бухары, приехав в Петербург, он советовал Терещенке опираться на старо-бухарцев — т.-е. чиновников и купечество — против младо-бухарцев, т.-е. бухарской интеллигенции. «Они во вражде, и старо-бухарцы многочисленнее». А что такое старо-бухарцы, это мы узнаем из другого места днев-

ника: «Старо-бухарцы против широких реформ. Когда младо-бухарцы, подталкиваемые приезжими из Туркестана русскими пропагандистами, хотели устроить демонстрацию, их схватили и высекли. Один умер». На таких людей можно было положиться!

Само собою разумеется, что Петербург очень скоро освободил Куропаткина из-под ареста — и мы уже сейчас видели бывшего туркестанского генерал-губернатора в разговоре с министрами Временного Правительства. Эти петербургские разговоры Куропаткина дают самые интересные, пожалуй, страницы «дневника». Старого генерала встретили с почетом: Керенский принял его, «назначив особые для сего часы, а не в общий прием». С места в карьер он пообещал «быстро реабилитировать» Куропаткина «от обвинения в вооружении населения в целях возбуждения междунациональной розни». Очень любознательно, что это обещание было дано, повидимому, раньше какого бы то ни было расследования дела. Но еще любопытнее, что по части национальной политики в Средней Азии собеседники говорили на одном языке и великолепно понимали друг друга. «Керенский согласился с моим мнением, что, при неравенстве обязанностей с русским населением (!), туземцам не следует предоставлять и полноту прав». Ободренный этим Куропаткин и заговорил потом с Терещенкой о старо-бухарцах. Вообще, Керенский, считавшийся знатоком средне-азиатских дел, поразил даже Куропаткина своей отсталостью по этой части. В Бухаре он предлагал начать с «уничтожения рабства». Пришлось напомнить, что эти лавры уже предвосхищены у вождя российской «демократии» Александром II, в 1870-х годах.

Но родственные души Куропаткин в изобилии находил в министерских кабинетах «Петрограда», даже когда он беседовал и не о среднеазиатских делах. Сам премьер, князь Львов (дело было в апреле) начал не то с жалобы, не то с извинения, «что они не думали заходить так далеко, как унесли их события. Мы теперь, сказал он, как щепки посимся на волнах». Это образное сравнение столь поразило Куропаткина, что он записал его в свой дневник дважды. А 1 мая, в пролетарский праздник, он долго беседовал со своим прежним, по японской войне, подчиненным, Корниловым, у которого теперь его бывшему начальнику пришлось просить корпуса. Но разговор был не столько о военных делах, сколько о политике, и этой части разговора автор дневника дал такое резюме: «два врага, один впереди настоящий, другой в виде солдатской деспотии позади, в виде разных Советов».

Против этого последнего «врага» храбрые генералы, с которыми беседовал бывший маньчжурский главнокомандующий, предлагали радикальные средства: «сформировать корпус или полкорпуса из офицеров и силою уничтожить Петроградский Совет Солдатских и Рабочих Депутатов». Характерно, что такие разговоры велись еще в мае. Но храбрых генералов плохо слушали, ясно представляя себе, что ставить ставку на то, кто кого «силою уничтожит», крайне рискованно. Пробовали «мягкие» средства, — но они оказывались явно негодными. О близости «демократов» и православию много писали в связи с «Комучем» 1918 года — но близость началась гораздо раньше: уже в мае 1917 года протопресвитер Шавельский, глава военного духовенства (было такое, читатель!), «посылал на разные фронты своих наиболее даровитых проповедников». Но увы! «Проповедников принимали неохотно» — хотя, будто бы, послужив, «просили приехать еще раз». Самое ужасное для охранителей порядка, что сообщали проповедники, это о начавшемся братанье на фронте. Против этого никакое христианское братолюбие помочь не могло.

В конце концов приходилось хвататься за соломинку и утешать себя тем, что, будто бы, «за последнее время евреи во всей России очень поправились. Речи товарищей Ленина и большевиков им не нравятся. Делиться не хотят».

На этом пассаже, о национальной вражде большевиков и евреев на почве дележа куропаткинской «России», можно покончить характеристику дневника. Он очень подтверждает ту характеристику, какую когда-то Витте слышал от Абазы: «умный генерал, храбрый генерал, но душа у него штабного писаря». Не обиделись бы только писаря?

М. Покровский.

Переворот ¹⁾.

6 марта (1917 г.), г. Ташкент.

1 марта в 7 ч. вечера, в заседании по выработке нового положения, я получил депешу начальника Ташкентской железной дороги, инженера Мазуровского, о том, что вместо предписанного отпуска Госуд. Думы Родзянко образовал Исполнительный Комитет Госуд. Думы, взял управление делами в руки Исполнительного Комитета (арестовал министров) и предписал инженеру Бубликову временно взять в свое управление мин. путей сообщения. Почта и телеграф одновременно перешли в руки нового правительства. К 4, 5 марта выяснилось: отречение государя от престола, отказ Михаила Александровича принять престол до созыва Учредительного Собрания и определения им формы правления для России. Государь одновременно с отречением утвердил князя Львова в должности председателя Совета Министров (избранного Исполнительным Комитетом Государственной Думы). Этим актом министерство Львова явилось законным. Министром военным назначен Гучков. По получении решения государя объявлено в приказе по краю ²⁾ требование полного подчинения новому правительству.

Порядок до сих пор нигде не нарушался. Войска перешли к новому порядку управления Россией без нарушения присяги. Мне, старому служаке, хотя и глубоко сочувствующему новому строю жизни России, все же было бы непосильно изменить присяге, но, конечно, мое решение касалось бы только меня лично, войскам же и населению надлежало признать новое правительство даже и в том случае, если бы царская власть была бы свергнута насильственным путем. Ныне я могу с спокойною совестью работать на пользу родины, пока то будет соответствовать видам нового правительства.

Задача очень затрудняется тем, что в Петрограде большую, быть может, даже решающую силу забрал Совет представителей рабочих и нижних чинов. Отголоски, и очень опасные, этого нараста на новом правительственном организме дошли и до нас. И в Ташкенте уже организовался Совет рабочих, выделивший из себя Исполнительный

¹⁾ Дневники А. Н. Куропаткина хранятся в Архиве Октябрьской Революции, отдел «Падение старого режима», фонд XI, д. № 36.

²⁾ В подлиннике дальше зачеркнуто: от 4 марта.

Комитет. Образовался и Совет представителей от войск (по 1 со ста человек; от иных частей и больше). Пока еще никаких особых выступлений не делается, но ожидать можно всего, до террористических актов, особенно опасных в Азии, где мы, русские, составляем треть среди 10 милл. туземного населения. Непрерывно влияю на начальствующих лиц, говорю с войсками, удерживаю их от всяких беспорядков. Опасно, если Совет рабочих в Петрограде не удовлетворится программой нового правительства, а предъявит требование о переходе теперь же к народоправии, что может сопровождаться общим развалом и поражением на фронте. Это требование быстро будет передано и в Туркестанский край и вызовет беспорядки. Без воли нового правительства я не допущу изменения программы этого правительства.

Вчера при особо торжественной обстановке объявил войскам и подтвердил начальствующим лицам 3 марта отданное приказание во всем повиноваться новому правительству.

Весь гарнизон, военное училище, школа прапорщиков, старший класс кадетского корпуса, несколько тысяч публики и представителей туземного населения собрались на Соборной площади. Сказал им речь о перевороте и приказал прочитать: а) манифест об отречении государя, б) акт об отречении Михаила Александровича, в) мой приказ по краю от 4 марта о повиновении всем новому правительству, с переименованием всех министров, г) депешу ко мне о перевороте князя Львова. После этого я прочел приказ верховного главнокомандующего Николая Николаевича. Провозглашение здравитца Николаю Николаевичу, Львову, Родзянко, Гучкову. Потребовал торжественного обещания по трем пунктам: 1) обещание повиноваться новому правительству свободной России, 2) обещание все силы, средства и даже жизнь положить для достижения полной победы на фронте, 3) обещание поддерживать везде и всегда полный порядок и стоять за него (иначе страшал голодом). На все мои требования тысячи грудой ответили троекратно «обещаем». Я провозгласил затем ура! за процветание свободной России, за победы нашей славной армии, за всех чинов ташкентского гарнизона и всех жителей г. Ташкента. Городской голова Малицкий после небольшой речи, где он, между прочим, назвал бывшее правительство изменниками, провозгласил здравитцу за мое имя.

Кричали громко.

Пока строились на молитву, я беседовал с туземной депутацией. Передал им коротко то, что передавал и войскам, и потребовал прежде всего полного порядка и спокойствия. Обещали и то и другое. Я высказал и им веру, что при новом строе жизни в России им будет тоже жить легче прежнего.

Обходил и массу публики, принимали приветливо. Порядок поддерживался учениками, рабочими и одиночными нижними чинами образцово.

Войска прошли отлично и разошлись по домам с песнями. Общее настроение было серьезное, но спокойное и приподнятое.

8 марта.

Чувствую себя помолодевшим и, ловя себя на радостном настроении, несколько смущаюсь: точно и неприлично генерал-адъютанту так радоваться революционному движению и перевороту. Но так плохо жилось всему русскому народу; до такой разрухи дошли правительственные слои, так стал непонятен и ненавистен государь, что взрыв стал неизбежен. Ликую потому, что без переворота являлась большая опасность, что мы были бы разбиты, и тогда страшная резня внутри страны стала бы неизбежна. Теперь только бы удалось восстановить всюду дисциплину в войсках, только бы политическая горячка не охватила войска действующей армии; победа, глубоко уверен в том, нам обеспечена.

Многовластие на Руси.

12 марта.

Гучков прислал очень теплую и хорошую депешу, одобряющую все мои действия и утверждающую меня на будущую деятельность. Высылают мне комиссара Временного Правительства, члена Государственной Думы князя Васильчикова (сына генерал-адъютанта).

Сдерживаю до сих пор население Ташкента от всяких опасных выступлений. Сдерживаю и весь край. Пока нигде не пролило крови, но обстановка до сих пор тревожная. Главная причина: многовластие на Руси.

В Петрограде: Исполнительный Комитет Думы ведет себя отлично. Сдал свою власть министрам. Но рядом с Комитетом Министров действует Совет Рабочих и Солдатских Депутатов, предводимый Чхеидзе. Это и есть второе правительство. Чхеидзе располагает телеграфом общим и искровым и передает свои приказания Исполнительному Комитету в Ташкент и, значит, и в других пунктах.

Программа Чхеидзе простая: не дожидаться решения Учредительного Собрания, объявить в России демократическую республику. Борьба в Петрограде с Чхеидзе уже ведется, ибо он деморализует войска.

31 марта.

Мне объявлено, что я нахожусь под домашним арестом. Командующим войсками Совет Солдатских Депутатов назначил полк. Черкесса, коменданта г. Ташкента. Вместе со мною подвергнуты домашнему аресту: начальник штаба округа г.-м. Сиверс, кристалльный человек, и ген. Ерофеев, бывший очень резким, даже грубым с войсками. Причина ареста — надо было взять власть в свои руки. Повод: посылка для вооружения русского населения ружей. Никаких документов не смотрели. Решение было составлено заранее. Всеми делами руководил солдат еврей Бройда¹⁾, юрист. Разумные члены Исполнительного Комитета противились этому решению, видели значительную часть

¹⁾ Так в оригинале. Следует: Бройдо.

документов, убедились в полной основательности сделанных распоряжений, но ничего сделать не могли: революционная волна докатилась и до меня. Целый месяц я боролся, чтобы провести новый строй свободной России без потрясений, без пролития крови и добился больших результатов: в пяти областях Туркестанского края не было пролито ни капли крови за весь март месяц.

Дело с ружьями обстояло так: вследствие недостатка в ружьях, военное министерство потребовало в 1915 году высылки в армию всех ружей, находившихся в Туркестанском крае на вооружение населения. В 1915 и 1916 годах было взято свыше 18 тысяч ружей, и русское население пережило беспорядки и восстание в Семиреченской Области безоружным. Усиленно просило о возвращении ружей. Усиленно просила о том же администрация, но ружей не было. Только в конце прошлого года и начале настоящего, когда мы сформировали для Кавказа 8 стрелковых батальонов, удалось в 1916 и 1917 годах вернуть 8.000 ружей. Не возвращено еще до 10.000 ружей. Опасаясь, как бы ружья, выданные в слишком большом количестве, не дали русскому населению средства мстить киргизам, мною, несмотря на усиленные просьбы давать одно ружье на один двор или на два двора, приказано было рассчитать отправку ружей лишь по одной винтовке на десять дворов с целью охраны населения от разбойных нападений туземного населения. Надеюсь, что в семимиллионной массе оно останется спокойным, но отдельные выступления не только возможны, но, по моему мнению, неизбежны. Независимо сего, указано, чтобы высылаемое оружие до поры до времени хранилось у воинских властей и выдавалось только, когда в этом будет настоятельная необходимость. По полученным ныне мною из всех уездов депешам, только в редких случаях это оружие было выдано. Более всего выдано ружей в Пишпекском уезде, затем в Пржевальском и Деракентельском. Эти уезды и наиболее пострадали. Там жители отказывались выходить на свои поля, часто в отдаленные, если не были вооружены даже одним ружьем на довольно большую партию рабочих.

Последнее мое распоряжение о высылке ружей, уже по получении части сведений от военных губернаторов, было сделано циркулярно по штабу округа от 2 февраля, за месяц до перехода к новому строю. В ведомостях было проставлено число дворов, душ мужского и женского пола. Против каждого селения значилась цифра потребного оружия. Так, напр., по Сыр-Дарьинской области на 34.000 или 32.000 мужчин (кроме 10 тысяч детей и 30 тысяч женщин) предназначено было выслать одну тысячу с небольшим винтовок, не принимая в расчет новоселов.

В марте месяце никаких распоряжений по высылке оружия я не делал за одним исключением: 17 марта я получил депешу из Уро-тюбе, подписанную председателем совета Киселевым, в которой он сообщает, что на общем сходе всех жителей Уро-тюбе решено было просить меня увеличить воинскую

команду с 56 чел. до 100 и дать ружья для вооружения населения. Я приказал исполнить то и другое, ибо действительно Уро-тюбе, как и значилось в депеше, лежит вне железных дорог, и окрестное туземное население наиболее воинственно: в 1866 году (год моего приезда в Туркестан) штурм Уро-тюбе нашими войсками был наиболее тяжелым: из нашего батальона были убиты мой товарищ Кончиц и адъютант батальона пор. Плешков. Послал 200 ружей. Это было тем более необходимо, что одновременно ко мне поступили сведения о возможных выступлениях туземцев в Джизакском, Самаркандском уездах и в Голодной степи Ходжитского уезда. Из Джизака сообщили мне об этой тревоге два члена Исполнительного Комитета и пом. уездного начальника. Там сбежали в Джизак все лесники. Из Самаркандского уезда приехал тоже выбранный председателем Областного совета по продовольствию. В Голодной степи киргизы зарезали семью, отсюда просили спешной присылки военного караула, что и было исполнено посылкой 27 солдат с подпоручиком Кочергиным. Этого оказалось мало, и пришлось послать еще 120 чел., ибо все станции были в тревоге. Эти 200 ружей в Уро-тюбе хранились у начальника караульной команды и никому не выдавались. Они-то и послужили обвинением меня в провокации и натравлении одной группы населения на другую с целью вызвать беспорядки. Якобы охрана посылалась также малая, ибо Куропаткину было все равно, в чьи руки попадут эти ружья: русские или туземные, только бы они начали стрелять.

Независимо тревожных сведений из трех уездов Самаркандской области, тревожные сведения получались из Семиреченской области о скоплении киргиз на оз. Балахата. Туда посылались команды и пристава из Пржевальского уезда, где можно было опасаться на почве взаимного озлобления больших беспорядков. По Закаспийской области были донесения о сборе иомудов на колодцах Ортокуя между Хивой и Закаспийской областью. Получились тревожные сведения и из Ферганы. Начальник гарнизона Полонский прислал нарочного хорунжего Александрова с донесением, что со стороны Афганистана, через Дарваз и Кулеб, афганцы собираются вторгнуться в Фергану, и просил присылки войск и сбора разбросанной Кушкинской дружины ополчения. Приказал послать в г. Скобелев Уссурийскую казачью сотню из Кызыл-Арвата. Александров представил донесение, что каракиргизы Ошского уезда совершенно не понимают совершившейся перемены, считают, что наступило безначалие и собираются выбрать своего хана. Хорунжий Александров сообщил также, что сарты Ферганы стойко хотят добиваться равных с русскими прав (четырёххвостки) и хотят все городское хозяйство забрать в свои руки. Особенно горячие выступления их еще митингового характера были в Андижане, где их собралось 3600 человек. И вот при такой-то общей обстановке, по мнению солдатских депутатов, надо было оставить русское население без охраны даже на их полях. Характерно, что в марте ко мне пришла

депеша из Пензы от Совета Солдатских Депутатов, подписанная солдатом-гражданином Капыловым. В ней он, по полномочию находящихся в их полку семиреченцев и сыр-дарьинцев, сообщает, что до них дошли слухи о готовящемся нападении на русских киргиз, и спрашивает, какие приняты мною меры к защите русских?

Как снисходительно я относился к преступлению бунтовавших туземцев, видно из того, что из 340 приговоров к смертной казни, ко мне поступивших, я отменил 320 приговоров, заменив смертную казнь часто легкими наказаниями.

7 марта я ходатайствовал, чтобы, вообще, окончить все возбужденные по восстанию дела.

По многочисленным указаниям, циркулярным и отдельным, начальственным лицам я постоянно напоминал о необходимости братской жизни в свободной России русских и туземцев и поощрял образование согласительных комиссий и комитетов для примирения киргиз с русскими и полюбовного решения поземельных вопросов, в виду амнистии, разрешавшей киргизам возвращение на отнятые у них земли.

6 апреля.

Третьего дня пришел из Петрограда приказ: не протестовать моему отъезду в Петроград. Вчера готовы были 5 экземпляров моей обвинительной записки и приложений к ней. Один экземпляр послан прокурору Меллеру, другой — Черкессу для Исполнительных Комитетов. Просил, рассмотрев, гласно, путем печати признать ошибочность возведения на меня глупого обвинения: «в провокаторстве международной розни»... Исполнят ли, не знаю.

Выяснилось с несомненностью, что в трех основных областях, а также Закаспийской и Бухаре, всего в прошлом и за три месяца сего года роздано 165 рублей, главным образом, по требованию комитетов, для вооружения милиции. Завтра уезжаю в Петроград.

Бройда принимает все меры, чтобы я ни с кем не виделся, опасаясь взрыва возмущения против него и его соучастников в Комитете Солдатских Депутатов. Во всем городе, во всех слоях подавленное настроение. Тучи собираются. Солдатская деспотия, наступившая в Ташкенте, всем грозит опасностью, перерывом мирной деятельности. Дом ген.-губернатора готовят для краевого съезда.

..... мнения о возможности обойтись без аннексий и контрибуций¹⁾. Немцы тоже резко заявили, что, победив, воспользуются аннексиями и контрибуциями. Мы одни ломаем дурака!! Думаю, что главная надежда этих, повидимому, бескорыстных патриотов заключается в том, чтобы ускорить окончание войны.

¹⁾ В подлиннике отсутствуют л.л. 73—76, где находится начало помещаемой здесь статьи. (Прим. ред.)

Все же вчера на Невском, когда манифестанты за правительство встретили малую манифестацию против правительства и начали срывать плакаты, ленинцы и, вероятно, большевики рабочие открыли стрельбу и убили нескольких солдат.

29 апреля¹⁾.

Был сегодня у министров юстиции и земледелия: Керенского и Шингарева. Оба назначили особые для сего часы, а не в общий прием.

Керенский обещал быстро реабилитировать меня от обвинения в вооружении населения в целях возбуждения международного розни. Высказал мнение о необходимости заметку о реабилитации поместить и в ташкентских газетах. Я ему очертил положение Туркестана в начале апреля. Высказал, что с европейским населением новые власти и Исполнит[ельные] Комитеты справятся: силы нашлись. С туземным населением труднее, сложнее; авторитет новых властей туземцы не признают. Кто тянет к старым, кто к федерации и обособленности Туркестана. Указал на необходимость не применять полностью принципа равенства, иначе Туркестан пойдет назад: большинство голосов будет у туземцев, и они захватят все в свои руки, а руки-то ненадежные по нашей вине: 50 лет мы держали туземцев в стороне от развития, в стороне от школы и русской жизни. Керенский согласился с моим мнением, что, при неравенстве обязанностей с русским населением, туземцам не следует предоставлять и полноту прав. Относительно общего положения Керенский настроен довольно бодро. Считает, что революция нам далась «б е з у м н о д е ш е в о». Что трения необходимы и неизбежны, но устранятся. Успокоение даже наступает и в Кронштадте. Что на днях их кабинет пополнится новыми силами (социал-демократич.), что это укрепит его значение. Засилье солдат ему тоже не нравится, но и тут по его мнению есть улучшение. Керенский высказал мнение, что следовало, как только вспыхнула революция²⁾, двинуть войска вперед, пока у них еще был революционный пыл от сознания свободы, даже, если бы не все было к наступлению готово. Как бы признает, что ныне наступательная сила нашей армии очень уменьшилась.

У Шингарева просидел около часа. Впечатление благоприятное. Очень внимательно расспрашивал по вопросам, которые касались министерства земледелия.

25 апреля¹⁾.

Сейчас представлялся министру-председателю князю Львову. Принял в своем домашнем кабинете очень сердечно. Не виделись с японской войны. Помню, в Манчжурии много работали с ним, как с представителем земских организаций. Он тогда поверял мне свои планы

¹⁾ В подлиннике не выдержана хронологическая последовательность записей.

²⁾ Далее зачеркнуто: надо было.

об образовании общеземской организации и добился этого. Я оказывал ему всевозможную помощь и очень сочувствовал его начинаниям. Расспрашивал про Туркестан. Успокоил его за европейское население: там сознательные элементы нашлись и найдутся еще. В их руках свобода не перейдет в анархию. Труднее с 7 милл. туземцев. Огромная масса темна. При полном равноправии заберет в свои руки городское хозяйство и всю страну. Пойдем не вперед, а назад. Относительно войска указал на солдатскую деспотию и опасность этого положения. Кн. Львов сказал мне, что они не думали заходить так далеко, как унесли их события. Мы теперь, сказал он, «как щепки, носимся на волнах». Все же выразил надежду, что все успокоится. Общее впечатление разговора с кн. Львовым — благоприятное.

Видел в тот же день начальника главного штаба Минута и помощника начальника генер. штаба — Потапова. Оба озабочены. Минут говорит, что, если бы не война, вышел бы в отставку.

В главном штабе все же наружный порядок. Писаря стали вольные, но это естественно.

По улицам честь отдают лучше и чаще, чем две недели тому назад. И среди солдат ныне много элементов, которые, бог даст, не допустят полного разрушения дисциплины, не допустят, значит, развала великой нашей родины.

Звонил мне по телефону А. И. Гучков, но меня не было дома.

Кажется, забыл записать, что кн. Львов мне сказал, что они вовсе не ожидали, что революция так далеко зайдет. Она опередила их планы и скомкала их. Стали щепками, носящимися по произволу революционной волны.

1 мая.

Вчера в 3 ч. пополудни был у меня и долго сидел Корнилов, главнокомандующий войсками Петроградского военного округа. Встретились тепло. Давно его знаю. Очень смелый, решительный, доблестный человек. Смелую поездку переодетым совершил в Афганистан; под Мунденем героически вывел несколько тысяч отставших у Императорских могил и неизбежно попавших бы иначе в плен. В эту войну героически командовал 48 див. Попал в плен и бежал оттуда. Объяснил мне, что он отказался от начальствования войсками Петроградского военного округа, ибо не мог прийти к соглашению с Советом Солдатских и Рабочих Депутатов. Они вырывают власть у него из рук и мешают восстановить дисциплину. Он шел на то, чтобы при штабе находилось несколько членов Совета для совместного обсуждения разных вопросов. Они же требовали, чтобы все приказы Корнилов издавал не только за свою подписью, но и за подписью председателей Совета Солдатских и Рабочих Депутатов. На это Корнилов не согласился. Ему дают VIII армию, а Каледина переводят в V армию. Было предположено дать

Корнилову Северный фронт, оставив в подчинении и Петроградский военный округ. Тогда предполагалось, что войска Петроградского гарнизона, переформированные в строевые части, будут подтянуты к побережью и Риге для обороны подступов к Петрограду. Алексеев не согласился на эту комбинацию и выдвинул на Северный фронт своим кандидатом Абрама Драгомирова. Когда Гучков этому противился, то Алексеев выразил желание подать в отставку. Говорил, что сила стратегического дарования Корнилова неизвестна. Корнилов едет в армию с верою в успех, но ожидает огромные трудности от падения дисциплины в войсках и принужденного положения офицеров. Я просил Корнилова дать мне в его армии корпус войск. Он обещал. Просил его поговорить об этом и с Брусиловым. Я высказал свою мечту иметь в корпусе три дивизии с тем, чтобы одна была в резерве. Понимаю всю трудность командования в настоящее время: два врага — один впереди, настоящий; другой, в виде солдатской деспотии, позади, в виде разных Советов. Но тяжело в минуты грозной для России опасности сидеть без дела, а не находиться в передовой линии. Написал с просьбой о корпусе и М. В. Алексееву.

Вчера обедал у Влад. Дмитр. Набокова, управляющего делами Временного Правительства. Знаю Набокова с его детства. Женат на Елене Ивановне, урожденной Рукавишниковой. Ее мать крестила моего сына. С отцом ее, Иваном Васильевичем, были приятелями. Вместе охотились и ловили рыбу, у Набокова — большая, дружная семья, 5 детей, не очень здоровых видом. Они богаты. На днях подписались на 500 тысяч руб. на заем свободы. Набоков не очень спокойно относится к происходящему. Говорит, что совсем не то они ожидали. Что надо было, чтобы Михаил нашел в себе мужество принять престол. Тогда разрухи и безначалия не было бы. Теперь нет власти. Уходит Гучков, заменить его нечем; уйдут и другие. Керенского прочат в морские министры. На мое недоумение по этому вопросу Набоков ответил, что надо поднять во флоте дисциплину. Максимов в Балтийском флоте бог знает что делает и рушит наш флот. На побегушках у матросов. Чудного Непенина и 200 офицеров убили. Потребовали, чтобы и сухопутные офицеры сняли погоны. Терроризируют в Гельсингфорсе финляндцев. На днях матросы явились, чтобы свалить памятник Александру II. Финны вынули ножи, окружили памятник и не допустили матросов выполнить их дикое намерение.

Коалиционное министерство может и не состояться. Представители Совета Солдатских и Рабочих Депутатов предпочитают иметь контрольную и «подстегивающую» власть, чем разделять ответственность. Предполагают привлечь в министерство Плеханова и что-то вроде Пальчевского, большого промышленного деятеля.

Набоков утверждает, что, в случае дальнейшей разрухи и попыток заключить сепаратный мир, у наших союзников состоялось соглашение с Японией и, кажется, с Китаем напасть на нас в Азии.

Сведения с фронта у нас благоприятны. По словам Набокова, Брусилов стал неузнаваем, нервничает, ходит мрачный и собирается просить об увольнении. Другие главнокомандующие, в том числе Гурко, тоже хотят уходить. Поливанов с своею комиссиею только подливает масло в огонь. Все толкует о правах солдат, в защиту офицеров ничего. Дух офицерства подавленный.

Вчера в трамвае рядом со мною сидела женщина с мальчиком на руках. Малютка потянулся к моим погонам. Мать остановила. Я тогда сказал: пусть трогает, может быть, сам носить будет. Стоявший против нас мужчина в штатском платье с изможденным лицом ответил: бог даст, к тому времени как ребенок подрастет и погон никто носить не будет, не будет армии, невозможны станут и ужасы, нами ныне переживаемые. Затем он рассказал, что был 1½ года в плену, выпущен по доброте врача, признавшего его душевно-больным; что все немцы, за малым исключением, жестоки, думают только о себе, что боятся своих офицеров бесконечно и что голодают. Ему приходилось из присланных ему сухарей совать сухарик в руку голодному немецкому часовому.

7 мая.

Вчера вечером после всенощной службы в церкви протопресвитера слушал речи ко мне отца Георгия Шавельского. Этот чистый человек и чудный пастырь тоже был в подозрении и 2 дня был арестован. Теперь его, кажется, восстанавливают в звании протопресвитера. Он посылал на разные фронты своих наиболее даровитых проповедников. Они ему передали о состоянии армии, между прочим, следующее.

В V армии хуже всех расстроен 19 корпус (Веселовского). Ему труднее других приходилось. Хуже других частей в этом корпусе 38 дивизия, бывшая ...¹⁾, считавшаяся наиболее надежной. 13 корпус значительно лучше, 14 корпус отличный духом и дисциплиною. В XII армии хуже всех 109 дивизия. Ее вынуждены были вывести в резерв, ибо она склонна была открыть дорогу немцам. Заменяли ее кавал. дивизиею. Во II армии (штаб в Несвиже) есть тоже здоровые и слабые части. В XII армии наиболее сильна духом и дисциплиной 44-я дивизия Циховича. Проповедников принимали неохотно, но собирались слушать от полка до 2.000 человек. Отрадно, что, выслушав, всюду просили приехать еще раз. Офицеры отсутствовали, на что указывали и солдаты. По мнению Шавельского, офицеры во многих случаях недостаточно работают, чтобы влиять на нижних чинов. Держатся в стороне. Два лагеря. Братания на фронте доходили до позорных явлений: на одном из участков фронта наши солдаты поставляли хлеб в германские окопы. Когда доставка хлеба прекратилась, немцы пригрозили разбить русские окопы, привели свою угрозу в исполнение, и наша часть малодушно возобновила отсылку хлеба немцам.

¹⁾ Неразобрано.

Василий Федорович Новицкий, бывший помощник военного министра. Долго сидел у меня. Смещен Керенским, огорчен. Едет на фронт. Несколько недоумевает относительно полезности первых мер, принятых Керенским. Он взял себе в помощники двух только что произведенных полковников: Якубовича и кн. Туманова, а еще более удивлен назначением поручика Кузьмина помощником главнокомандующего Петроградского военного округа. Опасается, что эти три лица не будут иметь авторитета в старшем начальствующем персонале. Керенский издал второй приказ, дающий возможность попасть в офицеры и без образовательного ценза после 4 лет пребывания на войне. Керенский продолжает повторять в своих речах, что он «добьется железной дисциплины» в армии. Меры к тому еще не выяснились и ему самому. 9 мая хочет ехать на юго-западный фронт.

Новицкий справедливо возмущается Поливановскою комиссиею. Работает к разложению армии. Совет Солдатских Депутатов предписывает комиссии свои решения и все к поднятию прав солдат и к приращению офицерского состава.

Адмирал Коломейцев. Начальствовал Наровской флотилией на Северном фронте. Отличный моряк, знающий, строгий, но заботливый. Держал свои суда в отличном порядке. В бытность мою главноком Северным фронтом несколько раз плавал на его судах. Сегодня Коломейцев рассказывал мне, что в Пскове генерал Рузский опубликовал отречение государя только 5 марта. Назначили войска на парад. Коломейцев добивался, чтобы все были одеты по форме. Некоторые матросы все же вышли с красными бантами. У двух, трех снял собственноручно, за что был арестован. Сидя сегодня долго у меня, очень огорчился развалу Балтийского флота. По его словам, флот этот к бою уже непригоден. Максимов никуда не годится. Матросы называют его «адмирал-подлиза». По словам Коломейцева, убийства офицеров в Свеаборге и Гельсингфорсе происходили по подкупу, на немецкие деньги.

По его словам, в Кронштадте до сих пор томятся 85 офицеров с бритыми головами, которые чистят отхожие места, метут улицы и пр.

Сегодня юнкер кавалерийского училища, член Совета Солдатских и Рабочих Депутатов утверждал, что настроение членов Совета очень патристическое. Скоро дадут приказ фронтам наступать и сами хотят подать пример. Просят, чтобы запасные части Петрограда скорее формировали в полки.

12 апреля. [sic!]

За последнее время евреи во всей России очень поправились. Речи товарищей Ленина и большевиков им не нравятся. Делиться не хотят.

Керенский взял к себе в помощники двух молодых полковников, а помощником главнокомандующего Петроградским округом сде-

лал поручика Кузьмина. В одном из посещенных им полков Керенский произвел единолично полковника в генерал-майоры. Подписал, не дождавшись заключений командующих армиями, «Декларацию прав солдатам». Там есть пункт об неотдании чести солдатами офицерам. Полк. Якубович ездил в заседание Совета Солдатских и Рабочих Депутатов и просил, в одолжение Керенскому, устроить так, чтобы и без обязательства нижние чины честь отдавали. Идут разговоры, чтобы офицеры первые отдавали честь нижним чинам. В Поливановской комиссии, холопски ухаживая за солдатами, Якубович и еврей Цейль, ныне Покатов, предлагают, чтобы солдатам было предоставлено право награждать офицеров, а именно солдатским Георгием. Этим принизится не только положение офицера, но и значение офицерского Георгия.

Вчера встретил командовавшего у меня на фронте XII, а затем VI армией Горбатовского. Говорил о развале армии с глубоким возмущением, но средства помочь горю предлагал невероятные: сформировать корпус или полкорпуса из офицеров и силою уничтожить Петроградский Совет Солдатских и Рабочих Депутатов.

13 мая.

Был у министра иностранных дел Михаила Ивановича Терещенко сегодня от 11½ до 12 часов. Он просил ознакомить его с Туркестаном. Прочел ему, в сущности, в сжатом виде лекцию о современном состоянии каждой из пяти областей, входящих в состав Туркестанского края, и о положении Бухары. О Хиве сказал очень мало. На вопрос Терещенко, что же нам делать, ибо приходится отзывать комиссара Временного Правительства Щепкина, по его просьбе, ибо ташкентский Комитет Солдатских и Рабочих Депутатов не соглашается признать эту власть и требует отмены распоряжения комиссаров о назначении уездными комиссарами Тризну и Иванова, я задал такой вопрос: какие задачи правительство ставит себе относительно Туркестана? Должны ли 7 областей, его составляющих (считая Хиву и Бухару), с 10—11 милл. населения, составлять и в будущем часть России, неразрывно с нею связанную, или по отношению 10—10½ милл. туземного населения будет во всей широте применен принцип «самоопределения народности»? Но в этом последнем случае Россия может потерять Туркестан. Терещенко ответил определенно, что Туркестан должен в будущем составить часть России. Тогда я указал главное средство достигнуть этой цели: в Ташкенте, как в зеркале, отражается все, что творится в Петрограде. Было у вас двоевластие — такое было и еще есть и теперь в Ташкенте. Из Петрограда пошел развал нашей армии. Этот развал докатился и до Туркестана. У вас создалась солдатская деспотия, такая же явилась и в Ташкенте. Теперь вы избавились временно от двоевластия и хотите «железной дисциплины» в армии. Если вы этого достигнете, несомненно, удастся восстановить дисциплину и в Ташкенте. Без-

этого результата положение Туркестана необходимо признать тревожным. Несомненно, необходима твердая власть, которая, по полномочию правительства, могла бы п р и к а з ы в а т ь. После долгого обсуждения разных способов Терещенко остановился на мысли о необходимости отозвать Щепкина и одного из комиссаров и вместо них послать двух более левых. Посылая их, прибавить им представителей Совета Солдатских и Рабочих Депутатов для приведения Ташкентского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов к порядку и уважению распоряжений правительства. Эту последнюю меру я ему рекомендовал.

Кроме того, рекомендовал относиться с большим доверием к выбранным комиссарам самим населением. (Прислали из Петрограда самаркандского комиссара, даже не запросив меня).

Относительно Бухары посоветовал образовать мусульманский высший совет или комитет, дав там представительство как старо-бухарцам, так и младо-бухарцам. Они во вражде, и старо-бухарцы многочисленнее.

Высказал мнение, что Бухару и Хиву надо сохранить как автономные области, что наши революционные силы еще не справятся с задачами обратить эти провинции в республики. У нас и своих забот очень много. Если наше туземное население стало под русским владычеством более обеспечено, стало много богаче бухарского или хивинского, это, конечно, составляет предмет зависти бухарцев и предмет недовольства своим правительством, но, с другой стороны, наши подданные туземцы упрекают русских, что они развратили их молодежь, что часть младо-сартов отошла от старой веры, пьянствует, безобразничает в публичных домах, играет в карты, не уважает старших. Что число краж и преступлений возросло, и — больше, чем в Бухаре. Поэтому, старо-сарты Туркестана, горячие приверженцы старого уклада жизни и шарната, завидуют, что в Бухаре имеется к а з и к а л я н с огромною духовною властью, которой подчиняется эмир, что этому кази-каляну, кроме духовной части, подчинено все школьное дело и подчинен «раис», блюститель нравов, наблюдатель за исполнением законов (шариата). Наши туземцы старо-сарты мечтают о создании у нас ¹⁾ таких же должностей — кази-каляна и раиса. Мечтают, кроме того, создать в Ташкенте высший духовный совет из представителей от 5 областей с подчинением ему всей духовной части, учебной части и судебной части всего мусульманского населения Туркестана. Разработана, кроме того, целая программа требований со стороны мусульман, отстраняющих русскую власть. Запросы сложные, противоречивы для разных групп туземного, не только русского, населения. Проведение их в жизнь встречает огромные трудности. Удовлетворение их отодвинет Туркестан в культурном отношении назад, ибо все русские города попадут в руки туземцев. Выход мною уже принятый: не давать равных прав туземцам при выборах с европейцами.

¹⁾ Так в подлиннике.

Терещенко соглашался с этими мыслями. Хочет их доложить в Совете Министров. Признает положение серьезным. Говорил, что они теперь борются за сильную власть у правительства и за понижение значения Совета Солдатских и Рабочих Депутатов. Что Керенский и его поездка на фронт — их последняя ставка.

Мало говорит, но что говорит, — продумано. Производит хорошее впечатление. Славные блестящие умные глаза. В общем, вид утомленный.

У начальника ген. штаба Романовского.

Встретились сердечно: Сын Романовского — героя Ходжента, Уро-тубе, Джизана и Ирджора; в 1866 году я служил под его начальством, приехав в Ташкент в 1866 году подпоручиком Оренбургского стрелкового батальона (ныне Туркестанский стрелковый полк). Сын его — георгиевский кавалер. Он был начальником штаба 9-го корпуса, соседнего гренадерскому, говорил много лестного по поводу приведения мною в порядок гренадерского корпуса.

Я рассказал ему о военных нуждах Туркестана, записал об постепенном расформировании 1-го Сиб. запасного полка. Он ответил мне, что надо под тем или иным поводом вызвать Бройду и что теперь надо даже назначать маршевые роты с осторожностью, чтобы не натолкнуться на отказ ехать на фронт. Настроение его нервное. Работает, но не видит близкого исхода безначалию. Также надеется на Керенского.

У начальника главного штаба Архангельского.

Хорошее впечатление. Редкий работник. Витмер — его тесть. Он много говорил Архангельскому хорошего на мой счет. Архангельского очень тревожит положение Туркестана. Он говорил, что от мусульманского населения поступают просьбы вернуть меня, Куропаткина, в Туркестан. Я ответил, что по нынешним временам это может состояться только после моей реабилитации и с согласия Петроградского и Ташкентского Советов Рабочих и Солдатских Депутатов.

[С полк. Энгельгартом.

Явился ко мне. Вспомнил, что после ранения под Ляояном я дал ему боевой орден. Работал со мною в Херсу. Относительно своего командования войсками Петроградского военного округа в первые дни революции сказал, что он был хозяином положения только первые 6 часов. Затем фактическая власть перешла в Совету Солдатских и Рабочих Депутатов, и он не мог предотвратить издание приказа № 1. Настроен пессимистически. Считает, что необходимо скорее употребить силу, расстрелы. Что ему стыдно встречаться на улице с офицерами-иностранцами. Керенский — последняя ставка, в которую он не верит. Итти вперед не хотят. Впереди — смерть, а позади — дележ земли, безнаказанность. На Кавказе войска разбегаются. В Персии наши войска будто бы отступают.

Клемм сказал мне сегодня, что французы понесли очень большие потери и к порыву вперед мало пригодны. Очень большие потери были причиной замены Ниволя Петеном. Англичане еще держатся. Все ждет нашего усиления. Союзники нервничают. Наше «братание» их возмущает. Энгельгарт тоже сказал мне, что на французском фронте наши стрелки бригады Лохвицкого также пробовали брататься, но французы окружили бригаду своими войсками, выяснили виновных и расстреляли 118 нижних чинов и 5 наших офицеров.

У полк. Якубовича.

Принял меня в кабинете военного министра на Мойке. Толстый, смелый, умный, нахальный. Повидимому, есть характер и будет иметь большое влияние на дела. Также очень озабочен Туркестаном. Согласен со мною, что для оздоровления Туркестана надо прежде всего оздоровить Петроград. Надеется достигнуть этого при помощи Керенского. О мерах, кои для сего надо принять, еще ясного представления себе не составил. Также говорил, что надо меня возвратить в Туркестан. Я передал ему, что просился у Корнилова получить корпус войск и о том же написал Алексееву.

У полк. Туган-мирзы-Барановского, управляющего канцеляриею военного министерства.

Очень неблагоприятное впечатление. Растерян. Винит во всем корпус офицеров. Разбил его на 5 групп, одна хуже другой. В первой считает просто негодяев, во второй — подлиз к солдатам, в третьей — представители старого режима, готовые его защищать, в четвертой — очень многочисленной — выжидающих и бездействующих, и только в 5-й группе, к которой причисляет и себя, сознательных революционеров, на коих, по его мнению, и вся надежда. Смотрит на будущее мрачно. Жалуется на офицерство в Петрограде. В главном штабе объединились и вмешиваются во все назначения. Писаря там ведут себя более сдержанно. По словам Барановского, надо взять воинскую часть, окружить главный штаб и всех выдворить оттуда, уволить от службы и заменить другими.

В канцелярии считает, что им заведен порядок.

Военный совет, по его словам, будет преобразован, как бы по образцу Госуд. Совета, где будут чины по назначению и чины по выбору войск.

В канцелярии встретил большую группу офицеров всех чинов Поливановской комиссии. Сказал им, что восстановление дисциплины в войсках надо начинать с восстановления отдачи чести офицерам солдатами.

Интересное мнение мне сообщил сегодня Энгельгарт. По его словам, падение дисциплины, братание, нежелание воевать охватило более всего пехотные части. Кавалерия тоже затронута, но не так, как

пехота. Тверда вполне осталась вся артиллерия. Ей пехота иногда грозит, если артиллеристы начинают стрелять по солдатам, выходящим для братания.

14 мая.

Виделся с Александром Ивановичем Гучковым и сегодня обедал у него. Он просил откровенно высказать мое мнение прежде всего по войску. Ответил в общем: вы в Петрограде и затем во всей России произвели революцию с целью обеспечить победу. Разложив армию, вы пока сделали обратное: обратили армию в значительной ее части в толпу вооруженных людей, для победы против немцев мало способную. Для победы надо, чтобы начальник командовал, а не просил. Для победы надо, чтобы солдат (независимо любви и уважения) боялся офицера, а теперь офицер боится солдата, подделывается к нему, просит его исполнить солдатский долг. Первым этапом к разложению армии был приказ № 1 Совета Рабочих и Солдатских Депутатов Петроградского округа. Вторым — привлечение армии к политической жизни; третьим — образование разных комитетов с митинговым характером. На этих комитетах, как бы улицею, решались вопросы и о начальствующих лицах. Четвертым — неотдавание чести офицерам. Отсюда пошло и высаживание офицеров в вагонах с занимаемых ими мест, пускание им дыма в лицо, хождение по улице в растерзанном виде, наполнение трамваев, сидение, когда раненые офицеры стоят, и пр. Пятым — проповедь о братании на фронте. Шестым — мир без аннексий и контрибуций и пр.¹⁾ 7-е — отменой и для военного времени смертной казни. Гучков признал правильность диагноза и разрушительную силу этих распоряжений. Он сказал, что телеграф был в руках Совета Солдатских и Рабочих Депутатов. Все посылаемые им депеши цензуровались. По мнению Гучкова, Россия идет к катастрофе одновременно четырьмя путями: 1) развалом армии; 2) банкротством, — мы живем печатанием бумажек. Предполагаемые нам ссуды Америкой приостановлены. Подвижной состав Америкой дан не будет; 3) голодовкою (расстройство транспорта при имеющихся еще запасах); 4) безначалием и смутою внутри. Гучков не видит просвета. По его словам, министерство, в котором он служил, — «слякоть». Один еще был работник — Милуков. Керенский, по его словам, ничего не достигнет. Взятая им на себя задача совершенно не по его силам. Я утешал Гучкова, что не все еще потеряно, что в армии не все роды оружия расстроены, артиллерия тверда, конница тоже. В пехоте есть очень твердые корпуса и дивизии и полки. В солдатской среде главная масса темна, невежественна, непатриотична, с преобладанием звериных инстинктов, если их разбудят, но при дисциплине склонны, по своим прирожденным славянину и татарину качествам, к героическим

¹⁾ Я прибавил, что «декларация прав» ухудшает положение. Что, кроме того, обсуждается вопрос, чтобы нижние чины и награждали офицеров (солдатскими георгиеями). (Прим. А. Н. Куропаткина).

делам. Они же при ином руководстве способны залить Россию кровью. Левый фланг этой массы — преступники, на все готовые. Они очень опасны. Меньшинство солдат — сознательные. На них вся надежда. Они при содействии офицеров могут дать победу, закрепив хотя отчасти дисциплину. Но и от этой группы сознательных солдат надо отделить тоже на фланг сознательных — «ленинцев», вообще большевиков разных оттенков, а также анархистов и провокаторов. Они тоже опасны и даже опаснее, чем группа порочных.

Вид Гучкова мрачный, недовольный. Но при всем его пессимизме он сообщил мне, что поступления в городские, земские и казенные суммы, почти прекратившиеся в марте и первой половине апреля, начали ныне поступать успешнее.

15 мая.

Сейчас сидел у меня отст. полковник Джурабек, сын правителя городов Шара и Китоба храброго Джурабека. Мы в 1871 году взяли Шар и Китоб, отдали их бухарскому эмиру, а двух правителей, Джурабека и Баба-бека, поселили в Ташкенте, дав русские чины и пенсии. Теперь посетивший меня сын его — один из крупнейших землевладельцев Ташкента. Хорошо говорит по-русски. Хитрый, но недалекий и коварный. Туземцы не любят его, но ввиду его богатства и поддержки, оказываемой ему бывшими генерал-губернаторами (у Самсонова он был в доме свой человек, раньше был адъютантом при генерал-губернаторе), Джурабек пользуется влиянием и попадает во все депутации для выражения чувств туземного населения.

Джурабек рассказал мне, что в Ташкенте обострился земельный вопрос, что русские крестьяне стали захватывать земли многоземельных туземцев, что от мусульман была послана в Петроград кн. Львову большая депеша с просьбой: а) прекратить самовольство крестьян, б) прекратить переселение русских крестьян, ибо свободных земель в Туркестане нет, в) расформировать переселенческое управление. Там указывалось, что следовало бы русским даже вернуть занятые ими земли, но они на этом не настаивают.

До 40 представителей Туркестана принимали участие на мусульманском съезде в Москве, где собралось до 800 представителей мусульман со всей России. Съезд происходил в большом порядке. Голосовали за будущую форму устройства России. Татары и мусульмане Евр. России высказались за демократическую республику, но представители Кавказа, Туркестана и Сибири за федеративную республику. По словам Джурабека, за федеративную республику подано 445 голосов. Равно большинством голосов было решено открыть женщинам и установить отказ от многоженства. Шариат не упразднен. Джурабек сказал, что ни открыть женщину, ни перейти к одной жене Туркестан не согласится. Заседали в доме, устроенном богатым бакинским мусульманином, забыл его фамилию.

Джурабек и один из сартов Туркестана участвовали и как члены крестьянского съезда. Съезд ему не понравился. Нет порядка. Много солдат; много говорили лишнего. Раздел земель мусульманам не понравился. Социализация земли тоже им непонятна и несимпатична. Они сторонники частной собственности. Идеи коммунизма и анархизма мусульманам противны.

Относительно Ташкента Джурабек высказал, что там больше порядка, чем в Петрограде, солдаты более дисциплинированы, но ждут голода: цена пуда пшеницы дошла до 40 рублей.

Говорил мне о желании мусульманского населения моего возвращения в Туркестан.

Забыл прибавить, что на мусульманском съезде большой раскол произошел по вопросу о равноправии наследования детей мусульманского женского пола.

Вчера наш резидент в Бухаре Алекс. Яковл. Миллер подробно рассказывал мне о беспорядках в Бухаре, вызвавших его отъезд в Петроград. По его словам, дело в Бухаре по установлении нового строя свободной России шло очень хорошо. Манифест эмира о реформах был обнародован. Он, Миллер, дружно работал с Исполн. Комитетом Новой-Бухары. Просился переехать в Старую Бухару для наблюдения за реформами. Жаловался, что в Петрограде три недели задержали ответ на его депешу о манифесте (Клемм говорил, что Миллюков внес этот вопрос на рассмотрение Совета Министров). Керенский, которого считали знатоком азиатских дел, высказался за расширение рамок манифеста, указывал на необходимость уничтожения рабства. Клемму пришлось поправить указанием, что рабство в Бухаре давно уничтожено. Младо-бухарская партия в Бухаре, по словам Миллера, ничтожная: 15—30 человек. Старо-бухарцы против широких реформ. Когда младо-бухарцы, подталкиваемые приезжими из Туркестана русскими пропагандистами, хотели устроить демонстрацию, их схватили и высекли. Один умер. Забили тревогу, вызвали войска из Самарканда и Каттокургона. С ними приехал анархист Чертов и еще несколько большевиков. Чуть дело не дошло до драки. Бухарский комитет стоял за Миллера. Приезжие требовали его смены. Приехавший из Ташкента Рождественский и Давлетшин ничего в действиях Миллера неправильного не нашли, но все же «для успокоения населения» предложили ему отправиться в Петроград. Эмир держит себя пассивно, но сделает то, что ему прикажут. Просился на Кавказ или Ялту лечиться, но Миллер ему отсоветовал. Переехал в Кермине. Там спокойнее. Кушбек и райс сменены¹⁾.

Окончил чтением труд А. Спиридовича: «Революция в России», выпуск I, Российская Социал-Демократическая партия, изд. 1914 г. Очень поучительная книга. Поражает упорство, энергия, самоотвержение деятелей этой партии. Отлично

¹⁾ Об этих событиях подробнее говорится в печатаемых ниже материалах о Бухаре в 1917 г. (Прим. ред.)

обрисована эволюция в планах партии: отказ от хождения в народ, перенос деятельности в города, фабрики для подготовки фабрично-заводских рабочих к активной деятельности. Отказ от землепашцев. Следующим этапом было перенесение пропаганды в войска по отношению к нижним чинам. К сожалению, не было пройдено последнего этапа: образование революционного офицерства. Пройдя и этот этап, революция могла бы пройти сверху, что для России, где массы совершенно темны, было бы соответственнее. Тогда и армия не разложилась бы, дисциплина не ослабла бы, и мы были бы вполне обеспечены победою над врагами внешними, и не существовало бы опасений за анархию внутри страны. Теперь мы на рубеже: пойдет ли назад «солдатская деспотия» или пойдет еще вперед. В первом случае обеспечение победы, в последнем — поражение, презрение союзников и врагов, анархия и, быть может, вооруженное вмешательство других держав. Пошли же сил Керенскому помочь этому отступлению солдатской деспотии¹⁾.

¹⁾ Далее несколько страниц дневника занято конспективным изложением книги Спиридовича.